

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.36.97.013

Аспекты маргинального в философии Жоржа Батая**Скибина Виктория Владимировна**

Аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: severus_prince_888@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу маргинальной концепции в философии Жоржа Батая, связывающей такие несводимые понятия, как сакральное, эротика и насилие воедино. Насилие связывается с сакральным миром, поскольку именно акт уничтожения возвращает человека к изначально присущей ему имманентности, к животному состоянию, которое, по мнению Батая, и есть сакральное. Насилие – разрывание границ, отделяющих субъекта, живущего в предметном мире, от мира сакрального. Батай связывает насилие, существующее в рамках жертвоприношения, с размыканием личностных границ, разрушение субъективности и индивидуальности, с мистическим опытом трансгрессии. Такими же свойствами, ведущими к сакральному, обладает и эротика, представляя собой способ разрушения дискретности, размыкания границ участников эротического действия. Эротика проявляется в качестве преодоления запрета, что ведет к трансгрессии, и, как следствие, к сакральному. Таким образом, мы проанализировали основные тезисы, представленные в работе «Эротика», делающие философию Батая маргинальной, вызывающей и отвержение, и протест, но при этом не лишенной притягательности. Мы видим, как насилие непосредственно связывается с сакральным и эротическим в концепции Батая. Сакральное выражает себя, как проклятие, связанное с насилием. При этом, насилие проявляется двойственным образом: и как сам акт насилия, и как состояние, возвращающее человека в мир природы, то есть, как состояние отсутствия различий.

Для цитирования в научных исследованиях

Скибина В.В. Аспекты маргинального в философии Жоржа Батая // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 9А. С. 86-91. DOI: 10.34670/AR.2023.36.97.013

Ключевые слова

Жорж Батай, эротика, насилие, сакральное, трансгрессия, жертвоприношение, запрет.

Введение

Жорж Батай (1897-1962 гг.) – французский писатель, социолог, теоретик искусства, философ, известный прежде всего такими проектами, как движение «Контратака», объединившее левых интеллектуалов, основание тайного общества «Ацефал» и публикации в одноименном журнале, основание и участие в «Коллеж социологии», в который входили некоторые из самых известных интеллектуалов Франции в межвоенный период. Сложно представить философа более маргинального, сложно представить более шокирующие тексты (с которыми могут спорить разве что тексты маркиза де Сада), но Батай делает из таких теневых, скрытых вещей, как сексуальный опыт, опыт смерти и трансгрессии своего рода методологический принцип. На страницах Батай-писателя можно найти образы, неприглядные и маргинальные мелочи, на которые не принято обращать внимание, не принято говорить о них: от раздавленных тел и обнаженной плоти до петушиного крика, крыс, и нормандского шкафа, играющего в «Истории глаза» [Батай, 2017] роль и писсуара, и исповедальни, и гильотины. Но самая маргинальная мысль Батай заключается прежде всего в сопоставлении таких (на первых взгляд противоположных друг другу понятий), как эротика, священное и насилие.

Каким образом Батай приравнивает феномен эротике к феномену сакрального, и более того, к феномену разрушительного насилия? Данная статья призвана ответить на этот вопрос.

Основная часть

«Эротика – это утверждение жизни в самой смерти» [Батай, 2006, 494] – постулирует Батай, приводя экзистенциальное размышление о том, что человеческие существа (как и любые другие, проблема лишь в том, что человек осознает это) отделены друг от друга рождением и смертью. Смерть, как и рождение, – то, что всегда является непосредственно личным, то, что невозможно разделить ни с каким другим существом. И это – пропасть, как отмечает Батай, разделяющая людей, пропасть, вызывающая головокружение и завораживающая одновременно. Человек, подчеркивает Батай, дискретное существо. И в силу этой дискретности «смерть означает непрерывность бытия» [там же, 496]. Если человек существует внутри себя, он неизбежно испытывает ностальгию по этой непрерывности (то есть, имманентности), противопоставленной дискретности бытия. С такой непрерывностью Батай связывает эотику, религию и смерть. Эротическая практика размыкает границы, разрушает структуры замкнутого существа, что сближает эотику с насилием, направленным как раз на десубъективацию и преодоление дискретности. Но при этом, для перехода от обычного состояния к состоянию эротическому (то есть, к состоянию разомкнутости) необходима близость смерти. Таким образом, как замечает А. Зыгмонт, Батай пишет о примате насилия: «смерть как форма насилия, напротив, есть приобщение к миру насилия» [Зыгмонт, 2018, 212]. Процесс сакрализации происходит на основе того, что эротика открывает доступ для постижения смерти, а смерть, в свою очередь, отрицает индивидуальную длительность, то есть, ведет к сакральному/имманентному.

Батай вводит два понятия – запрет и трансгрессия, которые требуются для познания как эротике, так и религии в сфере внутреннего опыта. Поскольку и религия, и эротика, являются для разума «чудовищными предметами», постольку пережить их возможно лишь на основе внутреннего (то есть, иррационального) опыта. Так, если запрет противопоставлялся возврату к природе, трансгрессия является не возвращением или отрицанием запрета, но способом снять

запрет без уничтожения оногo. Иными словами, трансгрессия – способ преодоления границ дискретного существа таким образом, который не уничтожает эти границы. О. В. Тимофеева отмечает: «Этому слову близок по смыслу гегелевский термин *Aufhebung*, сохраняющее отрицание, на русский язык традиционно переводимый как снятие» [Тимофеева, 2009, 33]. Трансгрессия, согласно Батаю, часто бывает допустима, а иногда – и обязательна. Так запреты, на которых выстраивается рациональный мир, представляются Батаю иррациональными. Разум пытается упорядочить окружающую действительность, но при этом, ограничения, связанные с насилием, проистекают не из рациональных побуждений, а из иррационального страха перед насилием. Иными словами, запреты происходят из сферы чувственности, откуда происходит и само насилие. Трансгрессия и запрет образуют единое целое, поскольку сам запрет подразумевает необходимость его нарушения. Трансгрессия также подчиняется определенным правилам, регулирующим то, какие барьеры, как и до какой степени возможно снять. Так, Батай пишет о том, что смерть, как радикальный опыт снятия запретов, может вызывать потрясение, которое делает необходимым ритуалы похорон и празднества. Ритуалы упорядочивают и ограничивают беспорядочное проявление насилия. Трансгрессия является дополнением к профанному миру, поскольку человеческий мир состоит как из труда, так и из празднеств, иными словами, мир составляет как сакральное, так и профанное. Сакральным Батай называет все то, что по своей сути является предметом запрета. Чувство страха, связанное с запретом, превращается в благоговение и поклонение. Здесь мы видим амбивалентное отношение к сакральному, которое и отталкивает с помощью запрета, и завораживает, приводя к трансгрессии.

Батай пишет также о том, что в опыте трансгрессии открывается тревога, без которой не существовал бы запрет, и именно завершённый опыт трансгрессии является тем, что принято называть грехом. Сакральное и эротика (то есть, мир насилия) противопоставляются миру труда и разума, в котором и необходим запрет, как ограничивающая сила. К примеру, запреты, связанные со смертью, Батай объясняет с помощью страха, который испытывает разум при виде насилия, поскольку труп является свидетельством насилия, которое не просто уничтожило одного человека, но может уничтожить всех людей. Запрет является тем механизмом, с помощью которого люди защищаются от насилия, как от необузданной и иррациональной стихии. К тому же, как пишет Батай, смерть напрямую связана с насилием, которое, вторгаясь в мир, способно его разрушить, и потому даже вид покойника отсылает к уничтожившему его насилию, которое, как зараза, может перекинуться на любые иные объекты. По мысли Батая, труп закапывают не для того, чтобы укрыть его от хищников, а для того, чтобы самим укрыться от исходящего от смерти насилия. Запрет на убийство – аналогичный пример табу, которое действует против насилия. Но, подчеркивает Батай, любой запрет предполагает не только соблюдение, но и нарушение, более того, нарушение запрета обладает некой притягательностью, поскольку само насилие как внушает страх, так и пленяет. Запреты связаны с необходимостью устранения насилия из обычной, упорядоченной жизни, то есть, из предметного мира людей.

Жертвоприношение, как акт снятия запрета на убийство, является феноменом религиозным. Батай связывает жертвоприношение – как кровное, так и бескровное – с дарением. Т. Арппе в статье «*Sacred Violence: Girard, Bataille and the Vicissitudes of Human Desire*» [Arppe, 2009, 31] пишет о том, что даже если ритуальные жертвоприношения более или менее исчезли из современного мира, для Батая этот термин не утратил своего значения, поскольку он обозначает импульс, возникающий из внутреннего опыта субъекта, дух жертвенности, который побуждает

индивидуума выбрасывать некую разрушительную энергию вовне. Батай подтверждает устоявшееся мнение о том, что чаще всего в жертву приносились животные, но совершает неожиданную инверсию, говоря о том, что «изначально принесение в жертву животных возникло не как подмена: человеческие жертвоприношения появились позже, а древнейшие из известных нам жертвоприношений совершались именно с животными» [Батай, 2006, 547]. Иными словами, сначала человеческие жертвы заменяли собой жертвенных животных, а впоследствии, в ходе развития животные стали заменять людей. Батай выводит свою мысль, исходя из собственного постулата о том, что животные изначально имеют сакральную природу в силу того, что существуют в имманентном, то есть, сакральном мире, в котором отсутствует способность к различиям. Жертва уже является сакральной, исходя из своей животной природы, также исходя из связи с насилием, которое свойственно животному миру, и потому сакральное – это проклятое. Сакральным владеет насилие и смерть (как высшая форма насилия). Так, смерть (насильственная смерть в ходе жертвоприношения) – это трансгрессия, которая ведет вглубь бытия животного. Сакральное открывается участникам жертвоприношения при виде смерти дискретного существа, которая, в свою очередь, показывает непрерывность бытия, в которую возвращается жертва. Так, смерть возвращает непрерывность бытия дискретным существам.

Батай пишет о том, что, если состояние тревоги выражает собой отказ от движения жизни, то сама жизнь – это преодоление тревоги, поскольку жизнь является актом собственной расточительности или эксцессом. Батай приводит в пример так называемые «полицейские романы», популярность которых объясняется желанием пережить то, что переживает обычно главный герой – состояние опасности, утраты, страха. Вероятно, современный жанр «хоррор» пробуждает схожие чувства и желания. Батай подчеркивает: литература наследует религиям. Обряд, согласно Батаю, является периодически повторяемым разыгрыванием мифа. Но, возвращаясь к тревоге, Батай постулирует: тревога – это то, чего люди желают, то, благодаря чему можно тревогу преодолеть, если дойти до крайней точки, или – перейти «по ту сторону смерти и разрушения» [Батай, 2006, 552]. Тревога – необходимая составляющая жертвоприношения, снимающая подчиняющую силу запретов. Жертвоприношение, согласно Батаю, представляет собой акт трансгрессии, цель которого – изменения приносимого в жертву существа. Важно подчеркнуть: речь не идет об уничтожении, но об изменении, то есть, о возвращении жертве характер неограниченности, неразличимости, что свойственно сакральному.

Заключение

Таким образом, мы проанализировали основные тезисы, представленные в работе «Эротика», делающие философию Батая маргинальной, вызывающей и отвержение, и протест, но при этом не лишенной притягательности. Мы видим, как насилие непосредственно связывается с сакральным и эротическим в концепции Батая. Сакральное выражает себя, как проклятие, связанное с насилием. При этом, насилие проявляется двойственным образом: и как сам акт насилия, и как состояние, возвращающее человека в мир природы, то есть, как состояние отсутствия различий. Насилие размыкает границы, отделяющие одно человеческое существо от других и от имманентного мира. При этом сам человек стремится эти границы разрушить, что посредством трансгрессии достигается в таких сферах, как эротизм и религия. Батай вводит понятия, очерчивающие сферы профанного и сакрального мира. Таким понятием, к примеру, выступает запрет, действующий в профанном мире. Также стоит подчеркнуть роль

трансгрессии, которая снимает границы, и посредством которой происходит переход из мира профанного в мир сакральный. Так, насилие сакрально еще и потому, что содержит в себе запрет, который одновременно внушает страх, и имеет притягательность. Более того, запрет на убийство через опыт трансгрессии становится опытом жертвоприношения. Насилие упорядочивается и организуется в сакральном, при этом, оставаясь опасной стихией. По мнению А. Зыгмонта, в «Эротике» происходит окончательный синтез между насилием и сакральным [Зыгмонт, 2018, 220]. Эротизм, в свою очередь, сакрализует природу, изначально внушающую страх и отвращение, которая сквозь призму запрета становится божественной: не случайно первыми объектами религиозного поклонения были природные стихии, животные, птицы, растения. Таким образом, эротика (как и насилие) для Батая – это способ выйти за пределы дискретности, способ познать не только другое человеческое существо, но и – через трансгрессию - имманентный мир.

Библиография

1. Батай Ж. Ненависть к поэзии. Порнолатрическая проза. Романы и повести. М.: Ладомир, 2017. 616 с.
2. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 366 с.
3. Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.
4. Тимофеева О. Введение в эротическую философию Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 200 с.
5. Arppe T. Sacred Violence: Girard, Bataille and the Vicissitudes of Human Desire // *Distinktion: Journal of Social Theory*. 2009. 10:2. P. 31-58.
6. Bataille G., Dalwood M. *Eroticism*. – 1962.
7. Richardson M. *Georges Bataille*. – Routledge, 2005.
8. Bush S. S. The ethics of ecstasy: Georges Bataille and Amy Hollywood on mysticism, morality, and violence // *Journal of religious ethics*. – 2011. – Т. 39. – №. 2. – С. 299-320.
9. Urban H. B. The remnants of desire: sacrificial violence and sexual transgression in the cult of the Kāpālikas and in the writings of Georges Bataille // *Religion*. – 1995. – Т. 25. – №. 1. – С. 67-90.
10. Bataille G., Lovitt C. R. The psychological structure of fascism // *New german critique*. – 1979. – №. 16. – С. 64-87.

Aspects of the marginal in the philosophy of Georges Bataille

Viktoriya V. Skibina

Postgraduate,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: severus_prince_888@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of a marginal concept in Bataille's philosophy, linking such irreducible concepts as the sacred, eroticism and violence together. Violence is associated with the sacred world, since it is the act of destruction that returns a person to his originally inherent immanence, to the animal state, which, according to Bataille, is the sacred. Violence is breaking the boundaries separating a subject living in the objective world from the sacred world. Bataille connects the violence that exists within the framework of sacrifice with the opening of personal boundaries, the destruction of subjectivity and individuality, with the mystical experience of transgression.

Erotica also has the same properties leading to the sacred, representing a way of destroying discreteness, opening the boundaries of participants in erotic action. Eroticism manifests itself as the overcoming of prohibition, which leads to transgression, and, as a consequence, to the sacred. Thus, we have analyzed the main theses presented in the work “Erotica”, which make Bataille’s philosophy marginal, causing both rejection and protest, but at the same time not without attractiveness. We see how violence is directly linked to the sacred and erotic in Bataille’s concept. The sacred expresses itself as a curse associated with violence. At the same time, violence manifests itself in a dual way: both as the act of violence itself, and as a state that returns a person to the natural world, that is, as a state of absence of differences.

For citation

Skibina V.V. (2023) Aspekty marginal'nogo v filosofii Zhorzha Bataya [Aspects of the marginal in the philosophy of Georges Bataille]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (9A), pp. 86-91. DOI: 10.34670/AR.2023.36.97.013

Keywords

Georges Bataille, eroticism, violence, sacred, transgression, sacrifice, prohibition.

References

1. Arppe T. (2009) Sacred Violence: Girard, Bataille and the Vicissitudes of Human Desire. *Distinktion: Journal of Social Theory*, 10:2, pp. 31-58.
2. Bataille J. (2017) *Nenavist' k poezii. Pornolatrisheskaya proza. Romany i povesti* [The Hatred of Poetry]. Moscow: Lodomir Publ.
3. Bataille J. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* ["The Damned Part": sacred sociology]. Moscow: Lodomir Publ.
4. Timofeeva O. (2009) *Vvedenie v eroticheskuyu filosofiyu Bataya* [Introduction to Bataille’s erotic philosophy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
5. Zygmunt A. (2018) *Svyataya negativnost'. Nasilie i sakral'noe v filosofii Zhorzha Bataya* [Holy negativity. Violence and the sacred in the philosophy of Georges Bataille]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
6. Bataille, G., & Dalwood, M. (1962). *Eroticism*.
7. Richardson, M. (2005). *Georges Bataille*. Routledge.
8. Bush, S. S. (2011). The ethics of ecstasy: Georges Bataille and Amy Hollywood on mysticism, morality, and violence. *Journal of religious ethics*, 39(2), 299-320.
9. Urban, H. B. (1995). The remnants of desire: sacrificial violence and sexual transgression in the cult of the Kāpālikas and in the writings of Georges Bataille. *Religion*, 25(1), 67-90.
10. Bataille, G., & Lovitt, C. R. (1979). The psychological structure of fascism. *New german critique*, (16), 64-87.